

ОБЖИГАЮЩАЯ ТИШИНА И ВСЕ, КРОМЕ МИРА

Обжигающая тишина и все, кроме мира

Центр социальной справедливости

Тбилиси, 2023

Руководитель: Тамта Микеладзе

Авторы: Гига Карапетян, Ани Гогберашвили

Редактор: Нино Бекишвили

Английский перевод: Нино Каранадзе

Русский перевод: Роланд Раики

Фото на обложке: Тако Робакидзе

Дизайн обложки: Саломе Лацабидзе

Перепечатка, воспроизведение или распространение в коммерческих целях без письменного разрешения организации запрещены.

Правило цитирования: *Центр социальной справедливости, Гига Карапетян, Ани Гогберашвили, «Обжигающая тишина и все, кроме мира», 2023.*

© Центр социальной справедливости

Адрес: И. Абашидзе 126, Тбилиси, Грузия

Тел: +995 032 2 23 37 06

<https://socialjustice.org.ge/>

info@socialjustice.org.ge

<https://www.facebook.com/socialjustice.org.ge>

Оглавление

Предисловие авторов.....	4
Цель исследования и методология работы.....	5
Методы, выбор и характеристика полевых работ.....	5
Феноменологический подход.....	6
Обзор грузино-осетинского конфликта.....	6
«Замороженный» конфликт и 2000-е годы.....	7
Социальные, экономические вызовы и проблемы безопасности.....	9
Теоретические предпосылки исследования.....	9
Теория миростроительства.....	10
Теория трансформации конфликта.....	10
Теория коллективной травмы / хронизация кризиса.....	11
Результаты исследования.....	12
Динамика грузино-осетинского сосуществования.....	12
Восприятие войны и конфликта: обжигающая тишина и все, кроме мира.....	16
Многоуровневый характер миростроительства.....	19
Заключение.....	22
Библиография.....	24

Предисловие авторов

Новейшая история Грузии полна внутренних конфликтов и войн. Однако голоса или суждения, основанные на опыте тех, кто непосредственно пострадал от этих войн и, кто помнит эти конфликты, почти полностью исключены из политической повестки дня. Принимая это во внимание, данный отчет является нашей авторской попыткой поговорить о сосуществовании грузин и осетин, конфликтах и необходимости достижения мира и его многослойности. В процессе исследования существующих вопросов мы опирались на опыт грузинского и осетинского населения, проживающего в селах вблизи разделительной линии, хронологию повествования и их слова. Мы назвали этот отчет - слова одного из респондентов. В процессе работы над исследованием мы хотели максимально обезопасить себя от неправильной интерпретации результатов. С этой целью мы обильно включили слова респондентов и представили их голоса в такой форме. Мы считаем, что этот отчет не может полностью охватить разнообразный или противоречивый опыт, который может быть связан с темами войны и мира, сосуществования и траура. С другой стороны, доклад полон заставляющего задуматься опыта и видений будущего людей, живущих в селах вокруг разделительной линии. Поэтому мы считаем, что этот текст потенциально может открыть поле для размышлений, позволяющее взглянуть на события с новой перспективы.

Отметим, что вместо анализа полученных результатов мы рассматривали сами результаты как источник анализа событий.

Мы благодарим всех участников исследования за незабываемое сотрудничество и гостеприимство.

Гига Карапетян

Ани Гогберашвили

Цель исследования и методология работы

Целью настоящего исследовательского отчета является изучение и анализ связанных с войной воспоминаний населения, проживающего в селах вдоль административной разделительной линии, и представлений, связанных с процессом миростроительства. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи:

- ⇒ Рефлексия о конфликте 90-х годов и российской войне 2008 года и опыте сосуществования этнических групп;
- ⇒ Концептуализация мира и перспектив вовлечения населения, проживающего вблизи оккупационной линии, в процессы миростроительства;
- ⇒ Жизнь в условиях постоянной "бордеризации": переосмысление прошлого, рефлексия о настоящем и представления о будущем.

Для изучения цели исследования была использована качественная методология. В свою очередь, качественная методология подразумевает изучение различных феноменов и их описание в том виде, в каком это понимают сами информанты, участники исследования. Наряду с этим исследование, проведенное с использованием качественной методологии, дает возможность интегрировать голоса респондентов в отчете об исследовании, что защищает исследователя от неправильной интерпретации результатов (Cooper & Finley, 2014). Из методов качественной методологии были выбраны методы глубинного и группового интервью, а также включенное наблюдение.

Методы, выбор и характеристика полевых работ

Первым этапом полевой работы было привлечение исследователей, связанных с целевым контекстом, к неформальным беседам с населением. На данном этапе метод включенного наблюдения использовался в двух деревнях – Эргнети и Шиндиси. Исследователь провел в этих селах три дня. В ходе полевых работ были сделаны полевые записи на основе информации, полученной от акторов. Следует отметить, что работа по этому методу оказалась особенно эффективной при сотрудничестве с мужчинами, поскольку зачастую мужчины отказывались беседовать с исследователем в формате глубинного интервью и делать аудиозапись разговора. После проведения включенного наблюдения в тех же селах – Шиндиси и Эргнети были использованы техники глубинного интервью. После этого были проведены два групповых интервью в селах Тирдзиси и Мерети. Использование указанных методов подразумевало активную коммуникацию между исследователем и респондентом. Перед началом интервью респонденты были проинформированы о гарантиях конфиденциальности. Кроме того, они знали, что их участие в исследовании было добровольным и что они могли отказаться отвечать на любые нежелательные вопросы или прекратить сотрудничество с исследователем.

Глубинные и групповые интервью проводились по заранее разработанному полуструктурированному руководству. В руководстве вопросы, связанные с заданиями, были интегрированы в виде открытых вопросов. Наряду с этим в ходе полевой работы руководство было адаптировано к персональному опыту информантов и наполнено вопросами, связанными с целью исследования, которые не были определены на этапе подготовки руководства и стали понятны исследователю в начале сотрудничества с информантами.

Наконец, в отчете об исследовании отражены результаты, полученные от 29 респондентов, и полевые записи, сделанные исследователем. Средний возраст участников исследования

составил 50 лет.¹ Четверо респондентов были этническими осетинами, а двое респондентов были из смешанной семьи. У большинства участников исследования были родственники-осетины. Полевые работы проводились в период с 15 августа по 17 сентября 2023 года. Средняя продолжительность интервью составила 55 минут. Также, поскольку основной целью качественной методологии является изучение основных тенденций, общих среди членов целевой группы, а не обобщение результатов на всю целевую группу (Цуладзе, 2020, стр. 46-47), данное исследование было основано на целевом подходе к выборке. Исходя из цели исследования релевантен любой опыт и мнение человека, проживавшего в селах, прилегающих к административной разделительной линии Шида Картли – Эргнети, Тирдзиси, Мерети и Шиндиси. Указанные села были выбраны из-за их расположения вблизи административной линии, продолжающегося процесса "бордеризации" и непосредственного опыта конфликтов. В случае села Эргнети к этому добавляется существование Эргнетского рынка до 2004 года, который представлял собой важный мост между грузинами и осетинами.

Феноменологический подход

Исследование было сосредоточено на воспоминаниях информантов о войне и сосуществовании, перспективах вовлечения населения в процессы миростроительства и определении возможных сопутствующих лимитаций. Основываясь на том, что исследование признает субъективность восприятия событий вместо поиска объективной истины и исследует, что означают эти события и как эти события персонально интерпретируются информантами (Westlund, 2012, p. 87), исследование было основано на феноменологическом подходе. С другой стороны, феноменология, наряду с философским знанием, является еще и методологическим подходом (Cooper, 2014, p. 70), где признается социально сконструированная природа реальности. При таком предположении, исследователь начинает сотрудничество с информантом, чтобы понять, как формируются мнения и объяснения участников исследования по отношению к тем или иным событиям или вопросам (Atkinson, 2017, p. 35). Учитывая эти знания, точка зрения исследователей является феноменологической; Мы признаем субъективность восприятия событий и в процессе объяснения событий и синтеза полученных данных мы стараемся опираться на опыт самих респондентов.

Обзор грузино-осетинского конфликта

Исследуя историю грузино-осетинского отчуждения, важно помнить 1980-е годы. Именно с этого времени, еще в условиях Советского Союза, начинается усиление сепаратизма и национализма. В результате те осетины, которые проживали в Юго-Осетинской автономной области, входящей в состав Советской Грузии, стали задумываться о создании маленькой советской республики, а грузины – о создании моноэтнической страны (Гаччиладзе, 2011, с. 51); Со второй половины 1980-х годов стала заметна напряженность в грузино-осетинских отношениях (Закареишвили и др., 2005, с. 9); С 1990-х годов начались этнические конфликты (Тархан-Моурави, 2011, с. 6), которые можно назвать *гражданской войной*²; Во время этих войн не было соблюдения элементарной морали и *даже каких-то правил ведения войны* (Гаччиладзе, 2011, с. 51). При описании событий необходимо учитывать распад Советского

¹ Среди респондентов самому младшему было 17 лет, а самому старшему – 82 года.

² Определение гражданской войны см.: Cederman, L.-E., & Vogt, M. (2017). Dynamics and Logics of Civil War. *Journal of Conflict Resolution*, 61(9), 1992-2016.

Союза, после которого в 1991 году Грузия обрела независимость (Сартания, 2021, стр. 1); После обретения независимости грузино-осетинские отношения так и не приняли форму взаимовыгодного сотрудничества; Вместо этого грузино-осетинские отношения характеризовались периодической напряженностью и спокойствием (Тархан-Моурави, 2011, стр. 6).

Грузино-осетинский конфликт 1991-1992 годов имел экономическую, политическую или криминальную составляющую (Закареишвили и др., 2005, с. 9), однако в нем просматривалось грузино-осетинское этнонациональное противостояние, на который повлиял и этнонационалистический дискурс первого президента Грузии Звиада Гамсахурдиа, избранного в 1991 году (Сартания, 2021, с. 5); Упомянутая экслюзивная риторика президента сыграла определенную роль в дистанцировании осетин от грузинского национального проекта (Чанкветадзе, Мурусидзе, 2021, с. 2).

В результате грузино-осетинского конфликта погибли сотни людей, а тысячи грузин и осетин были вынуждены покинуть свои дома (Сартания, 2021, с. 5). В ходе конфликтов 90-х годов 117 осетинских сел были полностью разграблены и сожжены; пострадало также 15% жилого фонда Цхинвали (Харегов, 2011, стр. 8).

Примечательно также, что до конфликта 1990-х годов, по данным переписи 1989 года, в Грузии проживало 164 055 осетин, в том числе в Южно-осетинском автономном округе - 65 232, а на остальной территории Грузии - 98 823 - в Тбилиси, Цхинвали, Шида, Картли, Кахетии, Мцхета-Мтианети, Рустави и т. д. (Центр по правам человека, 2022, стр. 5). Притеснения по этническому признаку коснулись всех жителей - осетин, проживающих в этом регионе. Кроме того, согласно переписи населения 2002 года, число осетин, проживающих на территории, контролируемой Грузией, сократилось до 38 028, в то время как, по последним данным, число осетин, проживающих в Грузии, составляет 14 385 (там же. 6).

«Замороженный» конфликт и 2000-е годы

После окончания первой острой фазы грузино-осетинского конфликта 1990-х годов этот период получил название «замороженного». Этот этап не исключал изменения существующей ситуации и не был застрахован от риска открытия новой фазы конфликтов. После конфликтов 90-х годов грузино-осетинские отношения ненадолго ухудшились летом 2004 года (Тархан-Моурави, 2011, с. 6) после закрытия МВД Грузии Эргнетского рынка. С другой стороны, рынок Эргнети, который осетины называли «Тек» (Харегов, 2011, с. 10), после конфликтов 90-х годов сыграл важную роль и восстановил контакты между грузинами и осетинами на бытовом уровне (Чигоев, 2011, стр. 44).

Снижение интенсивности вооруженного конфликта позволило местному грузинскому и осетинскому населению восстановить отношения и сотрудничество. Период конца 90-х — начала 2000-х годов часто называют трансформированными конфликтами, поскольку в этот период население интенсивно взаимодействовало и перемещалось в обоих направлениях, торговало, сотрудничало в различных сферах, восстанавливались родственные и дружеские связи. Однако после российско-грузинской войны 2008 года грузино-осетинские отношения не приняли подобную форму взаимовыгодного сотрудничества.

Августовская война 2008 года существенно изменила динамику грузино-осетинских отношений. Если в конфликтах 90-х годов жертвами насилия считали себя в основном осетины, то после

войны 2008 года к этой же категории стали причислять себя и грузины. (Хаиндрава, 2011. С. 46). Вместе с тем после войны 2008 года к числу³ вынужденных переселенцев из Южной Осетии добавились 24 тысячи новых вынужденных переселенцев, в том числе неоднократно выселяемых из своих домов (Тархан-Моурави, 2011, с. 18-19). После войны Грузия потеряла контроль над 189 селами, 125 из них остаются под оккупационным режимом. Кремль взял Цхинвальский регион под свой полный политический, экономический и военный контроль.

Спустя 15 лет после войны 2008 года процесс "бордеризации" продолжается⁴ на прилегающих территориях оккупированного региона. Это сопровождается периодическими арестами мирных жителей оккупационными силами, что создает для населения региона серьезные проблемы и усиливает у него чувство незащищенности. В условиях продолжающейся "бордеризации" грузинский политический дискурс в основном ограничивается вопросом российской оккупации (Чанкветадзе и Мурусидзе, 2021, стр. 3-4); из-за такой политики игнорируется специфика конфликтных регионов, а также то, что эти регионы отделены от остальной части Грузии.

Говоря о мирной политике Грузии, следует выделить периоды до войны 2008 года и после войны. В 1992 году, после окончания вооруженного конфликта, согласно подписанному в Сочи соглашению стороны договорились о прекращении огня, были созданы смешанная контрольная комиссия (с участием Грузии, России, Южной и Северной Осетии) и миротворческие силы.⁵ В процесс была вовлечена и ОБСЕ, которая имела мандат на фасилитацию переговоров в 1992 году, а затем приобрела функцию мониторинга ситуации на местах. В 2005 году президент Саакашвили представил трехэтапный план разрешения конфликта, который включал восстановление доверия путем восстановления человеческих связей, демилитаризацию и укрепление безопасности, а также предоставление большей автономии конфликтным регионам. Кроме того, при поддержке ОБСЕ и Евросоюза были выделены ресурсы на экономическое укрепление региона (Пиранишвили, 2020) (там же, с. 5). Представительство ОБСЕ оставалось гарантом безопасности в регионе до 2008 года, однако в 2009 году Россия наложила вето на продолжение наблюдательной миссии ОБСЕ.

После войны 2008 года конфликт приобрел полностью международное направление, а мирная политика основывалась на концепции непризнания. Это означало, что центральное правительство Грузии не признавало исторический опыт конфликтов и основанного на этом опыте важности прямого диалога с де-факто правительством (Пиранишвили, 2021). Закон «Об оккупированных территориях Грузии» 2008 года объявил Южную Осетию территорией, оккупированной Россией. В 2010 году правительство разработало стратегию «Вовлечение путем сотрудничества», которая исключила возможность разрешения конфликта военным путем и одобрила подход, ориентированный на человека, включающий гуманитарную помощь, защиту прав человека, расширение доступа к здравоохранению и образованию, а также экономические проекты. Кроме того, в стратегическом документе подчеркивается цель восстановления территориальной целостности Грузии. Упомянутая стратегия рассматривалась как проактивный шаг к установлению мирных отношений, хотя эксперты с самого начала подчеркивали проблемы в имплементации стратегии (Gegeshidze, 2011, p. 34). С 2012 года по настоящее время

³ В результате грузино-осетинских конфликтов, развернувшихся в 90-е годы, до 2008 года число внутренне перемещённых лиц из Южной Осетии составило 13 тысяч человек.

⁴ Например: см.: <https://rb.gy/ecyk3>, <https://rb.gy/5jdu9>, <https://rb.gy/ij76x>.

⁵ Сочинское соглашение, 24 июня 1992 г., доступно по адресу: <https://peacemaker.un.org/georgia-sochi-agreement92>

в стратегии не произошло никаких фундаментальных изменений, и она не может реагировать на вызовы населения и социальные или политические изменения (Пиранишвили, 2021).

Социальные, экономические вызовы и проблемы безопасности

Для населения, проживающего вблизи административной линии, существуют постоянные социальные, экономические вызовы и проблемы безопасности, что оказывает большое влияние на восприятие населением процесса миростроительства. В 2023 году, по данным исследования, проведенного Ассоциацией «Танхмоба», Женским информационным центром и Женским фондом «Сухуми», 75% участниц исследования, проживающих вблизи линии раздела, указали, что в их населенном пункте/в окрестностях населенного пункта нет больницы, а 93% ответили, что в их селах нет аптеки (стр. 10). По данным того же опроса, для 58% респондентов доступ к дошкольным учреждениям является одной из главных проблем. Плохие дороги, отсутствие общественного транспорта, снабжения питьевой водой и т.д. являются вызовом для населения. («Танхмоба» Ассоциация вынужденно перемещенных женщин; Женский информационный центр; Женский фонд "Сухуми", 2023, стр. 11-12).

В результате конфликта значительная часть населения лишилась доступа к сельскохозяйственным землям, пастбищам и водным ресурсам (Amnesty International, 2019). В некоторых случаях земли полностью расположены по другую сторону разделительной линии, что не позволяет людям обрабатывать собственные земли (UN Women, 2019, стр. 20). Этот вопрос также связан с продовольственной безопасностью. Во многих селах вокруг Цхинвали/Южной Осетии колючая проволока проходит непосредственно через сельскохозяйственные угодья. По данным опроса Ассоциации "Танхмоба" (2023 г.), 52% населения сел, расположенных вблизи линии раздела, заявили, что их земельные участки юридически не оформлены в собственность (стр. 12).

Проблемы национальной и индивидуальной безопасности актуальны для населения, живущего вдоль административной разделительной линии. В результате процесса «бордеризации» населению приходится жить в постоянном страхе ареста и похищения. По данным опроса Ассоциации «Танхмоба» (2023 г.), 63% населения, проживающего вблизи линии раздела Цхинвальский регион/Южная Осетия, заявили, что в их селах нет полицейских участков, а 39% заявили, что нет даже офицеров полиции в селах (с. 38). Кроме того, в селах, расположенных вблизи линии оккупации, до сих пор нет системы раннего оповещения, необходимой для своевременного идентифицирования угроз и принятия превентивных мер. Анализ текущей социально-экономической ситуации свидетельствует о том, что специальные подходы к развитию социальной поддержки, разработанные государством для населения, проживающего вблизи административной линии, недостаточны и дополнительно необходимо разрабатывать контекстно-зависимые подходы.

Теоретические предпосылки исследования

Комплексный и меняющийся социально-политический контекст в регионе оказал большое влияние на восприятие мира населением, живущим вблизи административной линии. Неразрешенные конфликты и постоянные кризисы неоднократно меняли повседневную жизнь живущих здесь людей, их взаимоотношения и видение будущего. Вот почему опыт и перспективы населения, живущего вдоль административной линии, имеют решающее значение

для разработки информированных и соответствующих контексту мирных стратегий. Теоретическая основа исследования построена вокруг теорий миростроительства, трансформации конфликтов, коллективной травмы и хронизации кризиса.

Теория миростроительства

Теория миростроительства позволяет нам рассматривать миростроительство не как абстрактную цель, а как осязаемый процесс, влияющий на повседневную жизнь и благополучие отдельных людей и сообществ. Если негативное понимание мира предполагает лишь отсутствие войны и лишь частично видит комплексную динамику в конфликтных регионах, то позитивное понимание мира фокусируется на таких структурных формах насилия, как бедность, неравенство, дискриминация, угнетение (Galtung, 1996). Поэтому позитивный и холистический подход к миростроительству предполагает не только искоренение насилия, но также примирение и установление устойчивых отношений. Согласно этому подходу, необходимо изучать причины конфликтов, трансформировать отношения и создавать новые структуры или институты для поддержки мира (Lederach, 1997). Вместе с тем миростроительство представляет собой динамичный процесс и постоянно меняется в зависимости от характера конфликта, в ответ на существующие реалии и дилеммы (там же). Теория миростроительства предусматривает как подход «сверху вниз», который включает переговоры на высоком уровне, дипломатическое вмешательство и политические соглашения, так и подход «снизу вверх», когда местные сообщества, гражданское общество и их перспективы и инициативы определяют работу в зонах конфликтов. Теория миростроительства обеспечивает интеллектуальную и практическую основу для изучения мира как динамичного и многоуровневого процесса.

Важной частью "восходящего" подхода является ежедневная перспектива мира. Повседневный мир относится к практикам и нормам, которые отдельные лица и группы в «глубоко разделенных обществах» используют, чтобы избежать конфликтов и напряженности (Mac Ginty, 2014). Этот подход фокусируется на агентности отдельных индивидов и групп индивидов в повседневной жизни, в условиях конфликта. Примерами повседневного мира являются практики микросолидарности, предполагающие сотрудничество между людьми и взаимную поддержку, повседневную дипломатию и т. д. (Там же). Повседневная мирная практика имеет огромный потенциал для трансформации конфликта.

Теория трансформации конфликта

Теория трансформации конфликта предлагает более глубокую перспективу на изменение природы конфликта и процесс его трансформации из деструктивной силы в конструктивную. Согласно теории трансформации конфликта, после ликвидации насилия следующий этап трансформации будет сосредоточен на создании и поддержании устойчивых мирных отношений, восстановлении сил после конфликта и работе над его причинами (Kriesberg, 2011). Эта теория подчеркивает, что зачастую в основе конфликта лежит неравенство, несправедливость, исторические обиды, разногласия, связанные с идентичностью. Для достижения устойчивого мира необходимы трансформации в отношениях, структурах и социальных нормах (Lederach, 2015). Теория трансформации конфликтов признает психологическую и эмоциональную сторону конфликтов и фокусируется на построении доверия, эмпатии и построении отношений между сторонами конфликта.

Согласно теории трансформации конфликта, конфликт и его последующие изменения являются неотъемлемой частью жизни человека. Эти изменения могут иметь персональные, связанными с отношениями, структурные и культурные измерения (Lederach, 2015). В персональном измерении конфликт влияет на физическое и ментальное благополучие индивидов и восприятие событий. Измерение, связанное с отношениями, фокусируется на изменениях в личных отношениях и отношениях власти и старается работать над взаимопониманием и изменением отношений сторон посредством открытой коммуникации. Структурное измерение относится к причинам конфликта, влиянию социальных структур, институтов. Оно способствует созданию структур, обеспечивающих удовлетворение основных потребностей человека и вовлечение людей, пострадавших от конфликта, в процессы принятия решений. Культурное измерение относится к влиянию культуры на восприятие конфликтов и на действия по реагированию на конфликты (там же). Таким образом, становится ясно, что трансформация конфликта — это многомерный подход, который рассматривает изменения, вызванные конфликтами, в личных, связанных с отношениями, структурных и культурных измерениях жизни людей и пытается использовать полученную информацию для конструктивных изменений.

Теория коллективной травмы / хронизация кризиса

После трансформации конфликтов в конструктивную сторону в большинстве случаев остаются эмоционально-психологические травмы как на индивидуальном, так и на групповом уровне, которые также нуждаются в изучении. Для этого **теория коллективной травмы** предлагает основу для изучения воздействия травмирующих событий на группы людей. В ней подчеркивается, что травматические события могут иметь долгосрочные последствия не только для отдельных индивидов, но и для общества в целом, и основное внимание уделяется коллективным способам борьбы с травмой. Согласно исследованиям, коллективная травма и память о травме влияют на будущие поколения, которые не были непосредственными свидетелями этого события (Vollhardt & Bilewicz, 2013). Точнее, термин «коллективная травма» описывает не исторический факт, трагедию, которую пережила группа людей, а их психологическую реакцию и способы справиться с указанной травмой (Hirschberger, 2018). Пережив коллективную травму, как отдельные индивиды, так и группы пытаются по-разному осмыслить эти события. Этот процесс может быть комплексным и трудным и включать в себя сложные эмоции, такие как вина и ответственность, горе и беспокойство. Несмотря на это, этот процесс имеет решающее значение для процесса реабилитации (там же).

Исторические травмы влияют на восприятие, идентичность и поведение групп людей. Тем не менее, по мнению исследователей травм, можно трансформировать историческую травму в возможность понимания, эмпатию и примирения (Li, Leidner, Hirschenberger & Park, 2023). Одним из наиболее важных аспектов теории коллективной травмы является признание того, насколько важную роль играет коллективная память по отношению к исторической травме. Индивидуальная и коллективная память может как углубить конфликт, так и способствовать диалогу и примирению. Говорить о боли и потерях и признавать их, одновременно поощряя эмпатию и понимание, — трудный и долгий процесс, но он также создает потенциал для мирного сосуществования.

Для настоящего исследования важно переосмыслить понятие кризиса. В традиционном понимании под кризисом понимается изолированный период времени, оказавший заметно негативное влияние на жизнь людей. В действительности же для значительной части населения

планеты кризис носит не эпизодический, а хронический характер (Ви, 2023). Для структурно неблагополучных, социально маргинализированных и бедных мир характеризуется не миром, балансом и процветанием, а постоянной угрозой конфликтов и хаоса (там же). По мнению Хенрика Ви, войны могут начинаться и заканчиваться в разные моменты времени, но их причины и последствия непрерывны. Людям и институтам зачастую приходится адаптироваться к жизни в условиях кризиса и «приспосабливаться к неопределенности» (там же, с. 9). Жизнь в условиях хронического кризиса часто сопровождается критическим осмыслением общества и происходящих в нем изменениях, разработкой новых стратегий преодоления трудностей. При этом люди, живущие в такой реальности, живут в постоянной неопределенности, поскольку не находятся в чрезвычайном положении, хотя и не имеют возможности продолжать нормальную жизнь (Dunn, 2018).

Подводя итог, можно сказать, что исследование опирается на аналитическую основу, которая объединяет понятия миростроительства, трансформации конфликта, коллективной травмы и хронизации кризиса. Теория миростроительства помогает нам представить мир как реальный, многомерный процесс, который предполагает вместе с отсутствием насилия примирение и содействие устойчивым отношениям. Подход "снизу вверх" и ежедневные мирные практики являются важной частью этого процесса. Теория трансформации конфликтов предлагает более глубокую перспективу на трансформацию конфликтов из деструктивного в конструктивный процесс и фокусируется на причинах и структурных проблемах конфликта. В заключение, теория коллективной травмы подчеркивает долгосрочные последствия конфликтов и потенциал коллективной памяти трансформировать историческую травму в возможность эмпатии и примирения, а переосмысление понятия кризиса помогает нам лучше воспринимать реальность населения, живущего рядом с административной границей. Упомянутая теоретическая основа позволяет изучить многоуровневое значение мира в сложном и меняющемся контексте.

Результаты исследования

В трех основных секциях, представленных ниже, авторы обсуждают результаты, полученные в ходе полевых исследований. Исходя из того, что в основе исследования лежит феноменологический подход, начиная с этапа работы над руководством, в процессе изложения опыта, связанного с задачами исследования, мы следуем хронологии и языку повествований респондентов. Отметим, что после завершения полевых работ анализ полученных данных включал две основные фазы – кодирование и типологизацию. Под кодированием мы подразумеваем создание тематических рамок собранных результатов, а под категоризацией — группировку результатов в соответствии с этими рамками. Наконец, мы объединили рассказы респондентов, собранный от них вербальный материал в три основные категории: (1) динамика грузино-осетинских отношений, (2) восприятие войны и конфликта: обжигающая тишина и все, кроме мира, и (3) многоуровневый характер миростроительства.

Динамика грузино-осетинского сосуществования

Говоря о динамике грузино-осетинских отношений, участники исследования рассматривают три основных периода: (1) период до 90-х годов, (2) период с 90-х по 2008 год и (3) настоящее время с 2008 года. Наиболее позитивно респонденты вспоминали свои отношения и опыт совместного проживания до 90-х годов. Особенно больше о гармоничном сосуществовании осетин и грузин

говорили пенсионеры-участники исследования. По их словам, в этот период не было различия между грузинами и осетинами и люди жили мирно вместе. Они были тесно связаны друг с другом общим трудом, родством и другими близкими отношениями. У большинства из них есть осетинские родственники и друзья, с которыми они имели постоянный контакт и общение. Смешанные семьи также были обычным явлением. По словам респондентов, в этот период им были чужды напряженность и отчуждение по отношению к осетинским родственникам, а потому им даже не приходилось думать об этих вещах:

"Чума была или пир? Мы ходили повсюду, и они были очень дружелюбны к нам. Какие бы у нас ни были дела, ездили в Цхинвали. Мы чувствовали, что все нам доверяют и уважают нас".⁶

«Я выросла так, что не слышала, что ты осетинка, а ты грузин. Если бы это было так, я бы не вышла замуж за грузина и грузин не женился бы на осетинке".⁷

Респонденты напомнили, что грузино-осетинские отношения обострились после войны 90-х годов. В беспорядках погибло много людей, люди лишились домов и имущества. Часты были грабежи, поджоги домов, мести и убийства. В грузино-осетинских отношениях возник раскол и обида, которая до сих пор отпечатывается в памяти людей, проживающих в регионе. По мнению респондентов, период с 1989 по 1993 год был особенно напряженным на фоне политических процессов и военных противостояний. Те участники исследования, у которых есть осетинские родственники, впервые именно в это время ощутили охлаждение отношений между грузинами и осетинами. По их воспоминаниям, попытки разжечь вражду были настолько сильны, что затронули даже смешанные семьи и, по словам одной респондентки (этнической осетинке), создали дистанцию между ней и ее супругом, этническим грузином, несмотря на годы совместного проживания, что является хорошей иллюстрацией происходящих процессов. Несмотря на напряженную ситуацию в тот же период, грузинам и осетинам, имеющие родственные связи, все же удавалось навестить друг друга. Кроме того, между грузинами и осетинами существовали деловые связи в виде Эргнетского рынка; Участники исследования называли эти отношения **«народной дипломатией»**. По их словам, несмотря на множество негативных моментов, рынок предоставил возможность восстановить и сохранить связи со знакомыми и установить новые отношения, и это на фоне политических событий того времени было важно:

"Народная дипломатия работала хорошо в последующие годы. Народная дипломатия была именно рынком Эргнети, где обе стороны примирились и начали работать вместе. Народная дипломатия растопила лед".⁸

"После 1995 года ситуация немного успокоилась, в большей степени благодаря людям. Рынок Эргнети существовал. Возможно, здесь и продавались контрабандные товары, но это была очень хорошая возможность для населения. Помимо материального, на рынке Эргнети сложились отношения, теплые отношения".⁹

⁶ Респондент из села Мерети

⁷ Респондент - осетинка из села Мерети

⁸ Респондент из села Эргнети

⁹ Респондент из села Мерети

По мнению респондентов, рынок Эргнети использовался как грузинским, так и осетинским населением для восстановления отношений, и именно поэтому этому пространству был предоставлен потенциал для разрешения конфликта. По словам одного из респондентов, **остывшие с годами отношения словно потеплели, люди снова сблизилась друг с другом... медленно, но сблизилась**,¹⁰ Тем не менее, по мнению респондентов, политические силы не смогли увидеть и правильно использовать упомянутую "народную дипломатию". По мнению одного из респондентов, для разрешения конфликта важными были и остаются как наличие политической воли, так и готовность восстановить отношения между населением. Существование только одного не имело бы потенциала для разрешения конфликта:

"Если это не будет сделано сверху, что смогут сделать только люди? Мы, и грузины, и осетины, сделали все, что могли. Что ж, после стольких лет вражды мы снова стали друзьями. Дни так проходили. Мы стояли рядышком. Мы больше ничего не могли сделать. Остальное было чьим-то делом, и кто-то другой должен был это увидеть и сделать".¹¹

В ходе интервью респонденты вспоминали, что относительно стабильная ситуация в регионе и теплые отношения между осетинами и грузинами сохранялись до 2004 года. Пока не произошло столкновения между вооруженными силами в Цхинвальском регионе. В том же году был закрыт и Эргнетский рынок, и все вместе вновь нанесло ущерб грузино-осетинским отношениям, которые улучшились за последнее десятилетие. Респонденты не могут назвать какой-то конкретный момент, когда отношения похолодели, и говорят, что ситуация постепенно ухудшалась, кульминацией которой стала война 2008 года; Один из респондентов с гневом вспоминал: **Россия проделала хорошую работу в 2008 году, они снова напали на нас и убили много людей**.¹² По мнению респондентов, российско-грузинская война 2008 года принесла изоляцию, страх и отчуждение; Обострились социальные и экономические проблемы населения, проживающего по обе стороны разделительной границы; Ограничения на передвижение сделали невозможным сохранение дружеских отношений между грузинами и осетинами. Стало невозможным продолжение народной дипломатии и усилий широких масс, создавших мост между грузинами и осетинами в период с 90-х по 2008 год. Участники исследования заявили, что их отношения с родственниками, живущими за административной линией, стали холодными. Сегодня часть респондентов общаются со своими родственниками через социальные сети, хотя это и не носит регулярного характера. Кроме того, респонденты отметили, что усилия по поддержанию связей с помощью социальных сетей сегодня существуют с обеих сторон, хотя они не могут заменить важность физических связей:

"Они мои родственники, и я не хочу, чтобы наши отношения стали жертвой политики. Я хочу, чтобы они приехали, и чтоб я поехал к ним. Нас притесняют, больше никого. Его мать [другой респондент] из Цхинвали и ни с кем не имеет никаких отношений".¹³

По мнению респондентов, грузины и осетины должны иметь возможность разговаривать вместе, спорить, вспоминать прошлое. Кроме того, респонденты часто отмечали, что у них есть заинтересованность в потеплении отношений, а при отсутствии ограничений на передвижение люди смогут лучше политиков работать над восстановлением связей.

¹⁰ Респондент из села Шиндисы

¹¹ Респондент из села Эргнети

¹² Респондент из села Шиндисы

¹³ Респондент из села Мерети

В ходе полевых исследований участники исследования с гневом и разочарованием заявили, что с 2008 года грузино-осетинские отношения никак не обновлялись и не менялись к лучшему. По их словам, никто не приложил значительных усилий для построения отношений между народами. В ходе беседы респонденты не смогли вспомнить ни одного политика, который бы высказал свои реальные опасения и потребности. В ходе обсуждения тех же тем один из респондентов заметил: **Мы как будто не в Грузии живем. Те, кто находится по эту сторону линии¹⁴, как будто живут отдельно. Никого не волнует, что здесь происходит.**¹⁵

По мнению пожилых респондентов, нынешнее грузино-осетинское отчуждение отразилось и на молодежи. Новое поколение выросло изолированно друг от друга, и из-за этого сегодня они кажутся менее заинтересованными в восстановлении отношений. Они не помнят о грузино-осетинской дружбе и сосуществовании и часто находятся под влиянием ложных исторических и политических нарративов. Респонденты выразили обеспокоенность этим фактом и отметили, что без работы с молодежью они мало верят в то, что отношения снова потеплеют.

Отметим, что в ходе полевых работ мы беседовали с несколькими подростками и юношами 18-20 лет. Обсуждая осетино-грузинские отношения, они рассказали, что информацию о прошлом получают в основном от своих бабушек и дедушек. По словам молодых респондентов, воспоминания, которые они слышат от бабушек и дедушек о грузино-осетинских отношениях, **иногда теплые, иногда холодные.**¹⁶ По словам молодых людей, особенно переживают проживающие в регионе пожилые люди, поскольку знают, что война 2008 года полностью стерла дружеские грузино-осетинские отношения, которые строились годами после конфликтов 90-х годов. В ходе обсуждения этой темы мы спросили молодых людей, как бы они определили нынешние осетино-грузинские отношения. Некоторые из них испытывали затруднения или не хотели говорить на эту тему, а некоторые отмечали, что физические барьеры на линии раздела не только не позволяют грузинам поддерживать отношения со своими осетинскими родственниками, но и отделяют осетин от грузин. Например, один из респондентов сказал нам: **разве эта граница только с этой стороны? Есть граница и для тех, кто живет на другой стороне. Как, например, моя бабушка больше не может видеть своих осетинских родственников или других близких, так и они тоже не могут.**¹⁷

Работа с участниками исследования также показала, что вопрос возложения ответственности за конфликты сегодня, в контексте грузино-осетинских отношений, включает в себя много слоев. По мнению респондентов, несправедливо, что осетины полностью возлагают ответственность на грузин. Особенно для тех простых людей, которые живут недалеко от административной линии и никогда не имели возможности участвовать в процессе принятия широких политических решений. Респонденты видят в России главную враждебную силу. Они считают, что осетины стали жертвами российских манипуляций, что делает понимание вопроса об ответственности более комплексным. По мнению респондентов, понимание ответственности обеих сторон требует соответствующей работы и это вопрос, который должен быть прояснен посредством диалога между грузинами и осетинами. Без диалога ответственность будет возложена в одностороннем порядке, что несправедливо. По их словам, вопросы, связанные с возложением ответственности, сегодня в целом характеризуются отсутствием консенсуса.

¹⁴ Административная линия

¹⁵ Респондент из села Эргнети

¹⁶ Респондент из села Эргнети

¹⁷ Респондент из села Шиндисы

Осетинским респондентам особенно важным показался разговор о динамике осетино-грузинского сосуществования. Один из них сказал, **я до сих пор не понял, что произошло и почему это происходит... Эта война случилась так внезапно и продолжается так долго.**¹⁸ Респонденты отметили, что после конфликтов 90-х годов грузинское население, проживающее в селе, не разговаривало об этом периоде с ними, осетинами, и таким образом старалось поддерживать мирное повседневное сосуществование. Кроме того, респонденты отметили, что спустя годы это молчание постепенно было нарушено. **Сначала мы не разговаривали. Это выглядело как своего рода смущение. Мне казалось, что я был смущен, когда происходили эти истории, и мои односельчане тоже.**¹⁹ В ходе исследования несколько грузинских и два осетинских респондента отметили, что им до сих пор непонятно, **что произошло, почему это произошло**²⁰... **Нам даже подумать об этом не дали, а потом уже была война 2008 года**²¹; По их словам, в 90-е годы действительно чувствовалось, что Цхинвальский регион хочет независимости, **и казалось, что и народ, осетины были к этому готовы; Но не все. Многие, но не все, потому что между нами было много разговоров, и некоторые люди действительно не понимали, что происходит. Мы не могли отличить правду от лжи. Даже здесь никто не спрашивал у простого народа, а еще было то, что не все были вовлечены в происходящее**²².

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на постоянное напряжение и множество сложных вызовов, грузины и осетины смогли поддерживать отношения на протяжении десятилетий, хотя ограничения на передвижение, физическая изоляция и строгий военный контроль, введенные после российско-грузинской войны 2008 года, разрушили эти связи и отделили новые поколения от друг друга. Несмотря на множество препятствий, участники исследования выражают сильное желание восстановить отношения, что, по их словам, потребует соответствующей готовности и усилий с обеих сторон.

Результаты исследования, связанные с динамикой грузино-осетинских отношений, подтверждают релевантность теорий миростроительства и трансформации конфликтов, которые основаны на учете комплексного характера конфликта в процессах миростроительства и в этой связи создание информированных стратегий. В рамках исследования, основанного на сотрудничестве с населением, мы установили, что наряду с тяжелой коллективной памятью, оставшейся у населения в результате войны, еще сохраняется стремление к взаимопониманию травматической памяти, эмпатия, взаимопонимание и примирение, которое имеет значительный потенциал для достижения мира.

Помимо исследования памяти о грузино-осетинских отношениях, мы попытались узнать у респондентов феноменологическое, контекстно-сенситивное восприятие конфликта и путей достижения мира, и в процессе определить возможные лимитации. Мнения респондентов по этим двум основным вопросам изложены в двух секциях ниже.

Восприятие войны и конфликта: обжигающая тишина и все, кроме мира

В самом начале отметим, что, несмотря на желание респондентов рассказать о грузино-осетинских конфликтах и их восприятии, им было сложно восстановить память, связанную с

¹⁸ Респондент - осетин из села Эргнети

¹⁹ Респондент - осетин из села Эргнети

²⁰ Респондент имеет в виду грузино-осетинский конфликт 90-х годов

²¹ Респондент из села Мерети

²² Респондент - осетин из села Шиндисы

этими конфликтами, и поделиться ими с нами. Потому что в результате этих конфликтов у значительной части респондентов члены семьи или родственники умерли или были из смешанных семей. Наряду с пониманием сложности разговора на эти темы респонденты отметили, что вспоминание конфликтов и рефлексия над ними является необходимым процессом, поскольку в их памяти хранится важный опыт.

О восприятии конфликтов респонденты начали говорить, вспомнив 90-е годы. По их мнению, именно с этого периода начинается та хроническая напряженность, которая создавалась в регионе и существует до сих пор. По их словам, в 1990-е годы столкновения между неформальными группировками и такие криминальные акты, как грабежи, похищения людей и убийства, были повседневным явлением. В ходе беседы участники исследования часто отмечали, что, несмотря на относительно стабильные периоды, в регионе существовала постоянная напряженная ситуация, и она сохраняется и по сей день. Кроме того, несколько респондентов, с которыми мы встретились в селе Мерети, отметили, что сохраняющаяся напряженность ощущается, особенно в селах вблизи Цхинвали. Вместе с тем в ходе интервью мы попросили одного из респондентов, проживающего в селе Эргнети, сказать, как бы он описал текущую ситуацию в регионе. По его словам, сегодняшняя повседневность — это **"обжигающая тишина"**²³. Тишина **неуютная и напряженная**; потому что **то, что происходит сегодня в регионе, — это все, кроме мира**. Эта конкретная оценка интересно согласуется со словами других респондентов, которые сказали, что **мир не означает только отсутствие военного конфликта**.

Уточним, что в ходе интервью респонденты затруднялись говорить о точных периодах конфликта, поскольку для них конфликт воспринимался как постоянное состояние и часть повседневной жизни. В рассказах участников исследования также подчеркивается, как долгосрочный конфликтный опыт может повлиять на восприятие людьми окружающей среды и какие долгосрочные социальные и психологические последствия эта ситуация может иметь для них. Коллективная травма и отсутствие пространства для преодоления этой травмы по-прежнему влияют на восприятие респондентами реальности и способность идентифицировать угрозы.

«С тех пор, как я уехал в 90-е годы и до сих пор – это все война, ее жертвой стала моя семья. Для меня это не конфликт. Конфликт для меня как если я на кого-то накричу и поругаюсь, и через две недели мы снова будем вместе. Я уехал в 1989 году, какой сейчас год? Вся моя семья стала ее жертвой, для меня – это все война".²⁴

"Когда я был ребенком, до 2008 года, я считал войну нормальной ситуацией. Я вырос с этим. Я вообще не знал, что такое мир. Для меня это была нормальная ситуация".²⁵

Некоторые респонденты рассказали нам, что для них конфликт стал настолько нормой, что они не воспринимали всерьез напряженность, начавшуюся в 2004 году. Для них было обычным делом временно покинуть место жительства и возвращаться через несколько недель после стабилизации ситуации. В 2008 году многие из них покинули свои дома в надежде вернуться через несколько дней. Респонденты напомнили, что не ожидали, что российско-грузинская война 2008 года будет развиваться так остро. На основании рассказов респондентов мы делаем

²³ Респондент из села Эргнети

²⁴ Респондент из села Мерети

²⁵ Респондент из села Тирдзниси

вывод, что **нормализация конфликта является настолько сложным социальным и психологическим феноменом, что может создавать ложное чувство безопасности.** Война России и Грузии 2008 года представляла собой значительную эскалацию существующего конфликта и имела более широкий масштаб, чем ожидало население:

"К 2004 году уже прошло десять лет жизни в такой ситуации. Мы этого не ожидали. Да, была атака и напряженная ситуация, но мы такого не ожидали. В 2008 году мы уехали из Эредви так же, как и всегда, что сегодня или завтра, но вернемся. Я ничего не брал, мы были совершенно не готовы".²⁶

Обмен воспоминаниями респондентов о конфликтах также дал исследованию интересные результаты, связанные с дифференциацией войны и конфликта. По мнению ряда респондентов, российско-грузинские столкновения 2008 года были **войной**, а противостояния между осетинами и грузинами, начавшиеся в 90-е годы, - **конфликтом**. По мнению ряда респондентов, грузины и осетины **недостаточно говорили** о конфликтах 90-х годов. По словам одного из респондентов, они **вообще не разговаривали**.²⁷ Респонденты говорили, что во время российско-грузинской войны важно решать вопрос дипломатическим путем, говорили, что в этом процессе у людей может быть меньше знаний и опыта и необходимо привлечь международных акторов. А решение грузино-осетинского конфликта, по мнению респондентов, должно в первую очередь стать внутригосударственным интересом, участие в котором требует **как политиков, так и жителей**.²⁸ Респонденты заявили, что это различие между войной и конфликтом необходимо принимать во внимание при поиске путей их решения.

Российско-грузинская война 2008 года существенно изменила ситуацию в регионе. По мнению респондентов, эта война **продолжается и сегодня**. Мы попросили ряд респондентов сказать, что значит иметь бесконечную войну. Они отметили, что села пустеют, а жители боятся оставаться дома; никто не знает, чем закончится то, что началось в 2008 году. Из-за постоянной "бордеризации" местному населению приходится жить в постоянном напряжении. По мнению респондентов, причиной опустошения сел является не только тяжелая экономическая ситуация в регионе, но и сопутствующие страхи за жизнь здесь. По мнению респондентов, жизнь в страхе и незащищенности знакома людям всех возрастов, живущим сегодня в регионе. Один из респондентов отметил, что часто **"человека, который шел собирать ведро яблок, задерживали российские пограничники"**.²⁹ Сегодня экономическая ситуация настолько тяжелая, что часть населения, несмотря на эти опасения, не имеет возможности отказаться от небольшого урожая, который выращивает на своей земле.

Отметим, что полевые работы в селе Шиндиси совпали с 15-летием российско-грузинской войны 2008 года³⁰; жители села рассказали, что только в этот день правительство вспоминает о российско-грузинской войне. По мнению респондентов, похоже, **никто не помнит** войну 2008 года. Один из респондентов рассказывает нам:

"Они приезжают сюда³¹. Раз в год. Приносят цветы с венками. Фотографируются и уходят. Они проезжают так, что не останавливаются у домов. Чтобы понять, что происходит и чего мы хотим. Потом сидим и

²⁶ Респондент из села Мерети

²⁷ Респондент из села Шиндиси

²⁸ Респондент из села Эргнети

²⁹ Респондент из села Эргнети

³⁰ Полевые работы в селе Шиндиси начались 15 августа (зам. автора)

³¹ Респондент имеет в виду правительственных чиновников

смотрим по телевизору, что они были здесь и выступили с плоскими словами. Чтобы им это зачиталось за выполненную работу".³²

Поскольку полевая работа совпала с 15-летием российско-грузинской войны, некоторые респонденты сосредоточили внимание на том, как война была включена в повестку дня медиа. Некоторые респонденты заявили, что медиа потратили много времени, пытаясь выяснить, когда именно началась война. По мнению респондентов, война началась не 8 и не 7 августа. Эта война началась очень давно, но никто этого не заметил. По словам одного из респондентов:

Они стояли и выясняли³³, кто и когда начал войну. Один сказал это было 7 [августа], другой сказал, что 8-го. В конце концов оказалось, что они знали войну лучше нас. Нет. Война началась не 7-го и не 8-го числа. Война началась очень давно. Приезжайте, господа, и спросите нас, когда началась война. Где было 7 или 8 августа, когда здесь уже веяло войной. Эта война началась гораздо раньше.³⁴

Рефлексии в восприятии конфликта, прошлого и настоящего, показали, что конфликт не закончился для населения, проживающего в регионе. Местное население, которое продолжает жить в деревнях, живет в страхе и незащищенности. Жители рассказали нам, что, **хотя постоянное напряжение является неотъемлемой частью жизни, становится все сложнее различать периоды стабильности и конфликта.** Это подчеркивает необходимость учитывать долгосрочные психологические и социальные последствия конфликтов в процессе миростроительства. В ходе исследования был четко показан нюансированный взгляд пострадавшего от конфликта населения на прошлое и настоящее конфликтов, отличающийся от взглядов, преобладающих в грузинском обществе и политических кругах. Здесь отметим, что во время полевых работ в селах местное население, поговорив о восприятии конфликта, много внимания уделило необходимости достижения мира. Именно поэтому мы постарались представить выводы, связанные с этой темой, в следующей секции отчета.

Многоуровневый характер миростроительства

Исследование было направлено на изучение восприятия населения, живущего вблизи линии оккупации, и решений, увиденных их глазами в отношении мира и миростроительства. Однако исследование показало, что респонденты редко говорили о конкретных путях достижения мира. Также большинство респондентов заявили, что им неясно, **существует ли какая-либо стратегия достижения мира на государственном уровне.** По их мнению, достижение мира без переосмысления истории конфликта обречено и не принесет реальных результатов.

Для участников исследования мир означал не только отсутствие вооруженного конфликта. Для большей ясности мы попросили респондентов сказать, что для них значит мир. Участники исследования рассказали, что для них мир — это слово, охватывающее такие вопросы, как **защищенность границ, отсутствие давления со стороны России, позитивные отношения между соседями, чувство безопасности и возможность принимать самостоятельные решения в государстве.** В ходе интервью все респонденты согласились, что мира невозможно достичь путем войны. Вместо этого было сказано, что для достижения мира необходимы дипломатические усилия, конструктивный диалог и вовлечение населения. По их мнению,

³² Респондент из села Шиндисси

³³ Респондент ссылается на одну из телевизионных программ

³⁴ Респондент из села Мерети

сегодня присутствие российских сил на территории Грузии прямо противоречит такому видению мира:

*«Где мир? О каком мире идет речь, когда во дворе колючая проволока? Это не мир. Мир – это не только то, что кто-то не направляет на вас пистолет и не стреляет в вас. Мир в том, что я смотрю на свое будущее другими глазами, когда меня никто не контролирует».*³⁵

*«Мир – это не только отсутствие войны. Мир – это ощущение многогранной безопасности в собственной стране. Независимость в решениях. Учет национальных интересов и неподчинение чьим-либо приказам»*³⁶

По мнению части опрошенных, они не согласны и скептически смотрят на такое видение мира со стороны государства, подразумевающее компромисс с Россией. Они не думают, что мир, достигнутый таким образом, является устойчивым, а наоборот, такой подход усиливает страх перед будущим. По их оценке, поиск общего языка с Россией нанесет региону еще больший вред. Один из респондентов сказал нам: **Россию не интересует здесь человеческая жизнь. Мы все знаем, что ее интересует. Земля и собственность.**³⁷ Вторая часть респондентов говорила о поиске общего языка с Россией. Однако они отметили, что не знают, в какой форме и по каким вопросам можно найти этот общий язык.

По мнению участников исследования, представители власти не знают проблем, потребностей и взглядов населения и меньше ими интересуются. Неправительственные организации посещают села чаще, чем государственные учреждения. Следовательно, в ходе полевых исследований большинство респондентов заявили, что доверяют гражданскому сектору больше, чем правительству. Они подчеркнули потенциал фасилитации диалогу со стороны неправительственного сектора. Кроме того, по их мнению, необходимо активное и устойчивое сотрудничество с населением со стороны представителей власти, а не работать дистанционно из центра. Мира невозможно достичь без местного населения, диалога и коммуникации, однако в то же время необходима правильная политика на правительственном уровне. Почти все респонденты заявили, что **в настоящее время правительство не интересуется сложностью грузино-осетинских отношений и не работает над этими вопросами:**

*"В правительстве есть только Россия и Грузия. Осетины для них третья сторона и их не видно. Правительство наблюдает откуда-то с верхнего этажа и не имеет прямой, непосредственной связи с людьми, живущими в этих деревнях, и не в курсе этой ситуации. Эти осетины считаются полностью русскими".*³⁸

В ходе полевых исследований стало ясно, что респонденты воспринимают мир как процесс, требующий усилий и работы над коренными причинами конфликта. Для этого процесса необходимо переосмыслить конфликты, преодолеть обиды и пойти на взаимные компромиссы. Респонденты согласились, что работа с молодежью должна играть ведущую роль в процессах миростроительства, способных разорвать цикл конфликтов и вселить надежду на более мирное будущее. Важно также вовлекать в эти процессы женщин, проживающих в сельской местности, которые во многих случаях с особой остротой переживают социальные и экономические

³⁵ Респондент из села Эргнети

³⁶ Респондент из села Тирдзниси

³⁷ Респондент из села Тирдзниси

³⁸ Респондент из села Мерети

последствия войны. Кроме того, важно расширить экономические возможности местного населения, уделяя особое внимание укреплению сельского хозяйства.

«Работа в регионе должна быть активизирована. Работу следует начинать с молодежи, потому что приходит другое поколение. Местные знают больше. Правительство должно учиться у них и сотрудничать. Сельские женщины обладают огромным потенциалом для построения мира. Они знают цену труда, они знают цену войны и мира».³⁹

«Я считаю, что молодым людям необходимо знакомиться друг с другом, чтобы все хорошо знать, понимать мысли друг друга. Взаимоотношения, вовлеченность и сближение молодых людей будут во многом способствовать всему».⁴⁰

Такой нюансированный взгляд на мир подчеркивает важность опыта и знаний населения, живущего вдоль административной линии, для процесса миростроительства. Эти люди испытали на себе воздействие насилия и политических конфликтов. Повседневная жизнь населения переплетается с динамикой конфликтов. Это дает им уникальные знания и перспективы. Эта перспектива важна для создания более прочной и информированной мирной стратегии.

По мнению респондентов, для достижения мира будет важно понимание вопроса уступок, как со стороны грузинского, так и со стороны осетинского населения. По мнению одного из респондентов, местное население должно сосредоточиться на достижении мира в будущем и, как бы сложно это ни было, население должно иметь возможность переосмыслить прошлое. По их словам, боль была с обеих сторон – люди потеряли членов семьи и близких. Они покинули свои дома и земли. По поводу уступок один из респондентов говорит:

"У нас было три дома в Цхинвали. Было, но больше нет. Что мне теперь сказать? Я должен сказать тем, кто живет в них, вставайте и уходите, я должен здесь жить, это мой дом?! Я больше не считаю его своим домом. Я люблю, я помню, но прошло столько лет. Трудно терпеть, но больше не скажу. Надо от чего-то отказаться, чтобы с чем-то встретить будущее! Стоит ли нам снова жертвовать молодым поколением ради войны?!"⁴¹

Здесь отметим, что изучение вопросов уступок может стать предметом дополнительных исследований, поскольку мнения по этому вопросу разные и, по мнению респондентов, они также важны для достижения мира. В опрос также вошли респонденты, которые заявили, что дом, от которого им пришлось отказаться, был связан с их прошлым и, следовательно, имел сильную эмоциональную связь с этим пространством. Из-за этого они сказали, что выход из дома означал для них **не только исчезновение физического пространства**, но, как рассказал нам один из респондентов, проживающих в селе Эргнети, - **все мое прошлое находится в этом доме. Мои родители... Я даже не могла начать настоящее, а что уж говорить о будущем, не могла смириться с прошлым. Каково это бросить все вокруг, то, что ты любишь, и вдруг уйти. Скучаю, очень скучаю. Скучаю все время.**

³⁹ Респондент из села Эргнети

⁴⁰ Респондент из села Мерети

⁴¹ Респондент из села Эргнети

Отношение участников исследования к будущему оказалось столь же комплексным и многослойным, как и их прошлый опыт. С одной стороны, они пессимистично оценивают нынешнюю государственную политику, а с другой, надеются, что будущие поколения смогут разорвать цикл конфликтов и напряженности. Дуализм в их перспективе обусловлен сложным историческим и социальным контекстом, в котором они прожили всю свою жизнь.

"Я чувствую, что в таком мире я и многие другие, подобные мне, через 10 лет не будем гражданами Грузии. Наше поколение будет в эмиграции или бездомным. У нас больше не будет государства, языка и веры".⁴²

«Я все еще думаю, что мои дети, если не внуки, смогут все сделать лучше. Я думаю, мы будем вместе, все будет хорошо. Я не настроена негативно».⁴³

Жители, живущие вдоль административной линии, изо всех сил пытаются справиться как с травмой прошлого опыта, так и с разочарованием в текущей политике, сохраняя при этом веру в то, что будущие поколения смогут трансформировать конфликт.

Заключение

Аналитической основой исследования стало изучение трёх основных вопросов – динамики грузино-осетинского сосуществования, текущего положения населения, проживающего в селах вблизи разделительной линии, и представлений, связанных с процессом миростроительства. Исследование выявило важные выводы по всем трем вопросам, а также выявило проблемы, которые могут быть идентифицированы как предмет дополнительных нюансированных исследований.

По мнению участников исследования, грузино-осетинские отношения меняются с течением времени и находились под влиянием различных социальных и политических факторов. По их мнению, осетино-грузинские отношения до 90-х годов являются позитивными, поскольку в те периоды не существовало идентичности грузин и осетин, население было близко друг к другу, у них были как деловые, так и семейные и близкие отношения. На этом фоне грузино-осетинские конфликты 1990-х годов создали напряженность между грузино-осетинской идентичностью и группами, которая сохраняется и по сей день. Грузинские и осетинские респонденты критически относились к политическим акторам и влиятельным медиа. По их оценке, после конфликтов никто из них не работал над сближением групп. По мнению респондентов, местное население — это та группа, которая еще помнит о конфликте и войне. Именно эта память обладает потенциалом трансформировать конфликт или, в более широком смысле, построить мир. По мнению респондентов, наиболее важно видеть эту память в политическом поле и учитывать ее в процессах разработки стратегий достижения мира. Исследование также показало, что российско-грузинская война 2008 года еще больше навредила грузино-осетинским отношениям, почти полностью устранив возможность физического контакта между грузинским и осетинским населением. Также участники исследования отметили, что война приобрела нескончаемое, несколько хроническое состояние. По их словам, сегодня не завершилась ни российско-грузинская война 2008 года, ни конфликты 90-х годов между грузинами и осетинами. Более того, респонденты заявили, что

⁴² Респондент из села Мерети

⁴³ Респондент из села Мерети

грузины и осетины вряд ли имели возможность говорить об этих конфликтах и выслушивать доводы и мнения друг друга.

Для всех респондентов опроса достижение мира является безальтернативной данностью будущей жизни. Необходимость мирного сосуществования грузин и осетин продиктована их личным опытом. Из их разговоров казалось, что без размышлений о прошлом и процесса саморефлексии невозможна реалистическая вера в мирное будущее. Респонденты отметили, что нынешние продолжающиеся процессы "бордеризации" ставят население региона в хронически уязвимое состояние. Из-за этого респонденты заявили, что регион, помимо экономических проблем, сталкивается с серьезными вызовами и, несмотря на трудности жизни здесь, это существование не рассматривается в доминирующей политической повестке дня.

Учитывая рабочую методологическую основу, исследование не преследовало цели количественной генерализации результатов на всю целевую группу. Сегодня, когда полевые работы собраны и у нас есть опыт сотрудничества с населением, мы считаем, что все три центральные проблемы, описанные в исследовании, могут стать целью отдельного исследования для более детального изучения. Кроме того, для будущих исследований было бы важно охватить такие зонтичные вопросы, как: оценка политических процессов в Грузии в 90-е годы, расширение концепции ответственности за конфликты и детальное изучение перспектив оставшихся в Грузии осетин, связанных с конфликтами и миростроительством.

Мы надеемся, что исследование будет прочитано населением, проживающим за административной границей, и у нас будет возможность услышать или прочитать их размышления.

Библиография

Ви, Х. (2023, 07 11). Кризис и хроничность: антропологическая точка зрения на вечный кризис и упадок. Retrieved 11 19, 2023, from Центра социальной справедливости: <https://socialjustice.org.ge/ka/products/krizisi-da-kronikuloba-antropologiuri-tvalsazrisi-mudmiv-krizissa-da-datsemaze>

Цуладзе, Л. (2020). Качественные методы социологического исследования. (Н. Джавахишвили, ред.) Тбилиси, Грузия: Издательство Тбилисского государственного университета имени Иване Джавахишвили

Чигоев, М. (2011). Некоторые аспекты решения проблем внутренне перемещенных лиц и вынужденных переселенцев в контексте грузино-осетинских отношений. В грузино-осетинском конфликте: в поисках мирного пути; Сборник статей осетинских исследователей (с. 39-58). Институт анализа и разрешения конфликтов.

Ассоциация вынужденно перемещенных женщин "Танхмоба"; Женский информационный центр; Женский фонд "Сухуми" (2023). Оценка потребностей населения, проживающего вблизи разделительных линий в Грузии. Положение населения, проживающего в районе разделительной линии Цхинвальского региона/Южной Осетии и поселениях ВПЛ и его гендерные измерения. Тбилиси

Харегов, Б. (2011). Экономическая реабилитация Южной Осетии: текущие задачи и стратегия развития. In С. А. Нани (Ed.), Грузино-осетинский конфликт: в поисках мирного пути; Сборник статей осетинских исследователей (pp. 6-38). Институт анализа и разрешения конфликтов.

Сартания, К. (2021). Борьба и жертвоприношение: нарративы о новейшей истории Грузии. Carnegie Endowment for International Peace.

Центр по правам человека. (2022). Правовой анализ процесса реституции собственности и возвращения гражданства этническим осетинам, пострадавшим в результате конфликта. Тбилиси

Хаиндрава, И. (2011). Гражданское общество и мирный процесс. В грузино-осетинском конфликте: в поисках мирного пути; Сборник статей грузинских исследователей (с. 32-50). Тбилиси: Грузинский фонд исследований стратегии и международных отношений.

Гачечиладзе, Р. (2011). Человеческий фактор в процессе восстановления доверия между народами: исследование точки зрения осетин, проживающих в Грузии. In С. А. Нани (Ed.), Грузино-осетинский конфликт: поиск мирного пути (стр. 51-68). Тбилиси: Грузинский фонд исследований стратегии и международных отношений.

Чанкветадзе Н., Мурусидзе К. (2021). Конфликты в Грузии: почему радикальные нарративы необходимо пересмотреть. Carnegie Endowment for International Peace.

Пиранишвили, Т. (2020). Дискурсы, практики и вызовы защиты прав человека и гуманитарных интересов в мирной политике Грузии. Тбилиси: Центр образования и мониторинга прав человека.

Пиранишвили, Т. (2021). Мирная политика – в поисках новых подходов и перспектив. Тбилиси: Центр социальной справедливости.

Международная амнистия. (2019). Нарушения прав человека, вызванные «бордеризацией» за колючей проволокой в Грузии. Тбилиси.

- Закареишвили, П. (2021). Конфликты в Грузии. Тбилиси: Фонд Фридриха Эберта.
- Закареишвили П., Джорбенадзе Р., Хидашели Т., Кублашвили К., Хаиндрава И., Гогиа Г., . . . Дарчиашвили, Д. (2005). О причинах, динамике, поиске решений и вероятном направлении грузино-осетинского конфликта. Тбилиси: Открытое общество Грузии.
- Тархан-Моурави, Г. (2011). Конфликт в Южной Осетии: текущие проблемы и перспективы возвращения перемещенных лиц. In С. А. Нани (Ed.), Грузино-осетинский конфликт: поиск мирного пути (стр. 6-32). Тбилиси: Грузинский фонд исследований стратегии и международных отношений.
- Atkinson, J. D. (2017). Research Methodologies. In J. D. Atkinson, *Journey into Social Activism* (pp. 28-65). Fordham University Press.
- Cooper, R. (2014). Phenomenology in Peace and Conflict Studies Research: Getting to the Essence of an Experience. In R. Cooper, & L. Finley (Eds.), *Peace and Conflict Studies Research A Qualitative Perspective* (pp. 69-90). Charlotte, North Carolina, United States of America: INFORMATION AGE PUBLISHING.
- Cooper, R., & Finley, L. (2014). Introduction: Exploring Qualitative Approaches to Researching Peace and Conflict. In R. Cooper, & L. Finley (Eds.), *Peace and Conflict Studies Research: A Qualitative Perspective* (pp. 1-22). United States of America: Information Age Publishing.
- Dunn, E. C. (2018). *No path home: Humanitarian camps and the grief of displacement*. Cornell University Press.
- Galtung, J. (1996). *Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization*. SAGE Publications.
- Gegeshidze, A. (2011). Conflict resolution policy after August 2008. (A. Gegeshidze, & I. Khaindrava, Eds.) *Transformation of the Georgian-Abkhaz conflict: rethinking the paradigm*, 29-37.
- Hirschberger, G. (2018). Collective trauma and the social construction of meaning. *Frontiers in psychology*, 9.
- Kriesberg, L. (2011). *The State of the Art on Conflict Transformation*.
- Lederach, J. P. (1997). *Building Peace - Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press.
- Lederach, J. P. (2015). *Little book of conflict transformation: Clear articulation of the guiding principles by a pioneer in the field*. Simon and Schuster.
- Li, M., Leidner, B., Hirschenberger, G., & Park, J. (2023). From Threat to Challenge: Understanding the Impact of Historical Collective Trauma on Contemporary Intergroup Conflict. *Perspectives on Psychological Science*, 18(1), 190-209.
- Mac Ginty, R. (2014). Everyday peace: Bottom-up and local agency in conflict-affected societies. *Security Dialogue*, 45(6), 548-564.
- UN Women. (2019). *Оценка потребностей населения, проживающего вблизи разделительных линий в Грузии*. Тбилиси.
- Vollhardt, J. R., & Bilewicz, M. (2013). After the Genocide: Psychological Perspectives on Victim, Bystander, and Perpetrator Groups. *Journal of Social Issues*, 69(1), 1-15.

Westlund, S. (2012). *Bringing Nature to Consciousness in Peace and Conflict Studies through a Phenomenological Analysis of Veterans' Narratives of Nature and Recovery*. The University of Manitoba, Department of Peace and Conflict Studies, Winnipeg.